

Глубокоуважаемый главный редактор Чельман!

Я в течение многих лет читаю Ваше издание. Сперва читал в виде «бумажной» газеты, а несколько лет назад перешел к чтению в Интернете. Я не всегда симпатизирую Вашим взглядам, и время от времени у меня возникали сомнения относительно выбора тем для освещения и высказывавшейся в репортажах точки зрения, но тем не менее я чаще всего мог получать от Вашего издания определенное удовольствие.

Однако сейчас я чувствую себя вынужденным задать Вам, как ответственному редактору, этот вопрос:

Почему в Вашем издании превозносится чистейший идиотизм?

Когда было решено, что следует заострять внимание на откровенной глупости и превращать ее не просто в норму, а в нечто возделенное и достойное зависти?

Зачем вы уделяете место рассказам о людях, которые не знают даже, когда началась Вторая мировая война, не обладают самыми элементарными знаниями в области математики и лишь в исключительных случаях способны высказать законченное предложение? О людях, чей единственный талант заключается в том, что они умеют вытягивать губы трубочкой на так называемых

«селфи» и чьей единственной заслугой является то, что они публично позорятся, занимаясь сексом в каком-нибудь из многочисленных реалити-шоу, которые из вечера в вечер заполняют наши телевизионные каналы.

По роду своей работы я встречаю довольно много молодежи. Порядочной, умной, целеустремленной и амбициозной. Молодых людей, которые следят за дебатами, овладевают знаниями, критически их осмысляют и получают образование, чтобы в дальнейшем устроиться на увлекательную и ответственную работу и способствовать благополучию общества. Молодежь, которая чего-то хочет и что-то может.

Вот им вам следует уделять внимание. Их стараться превращать в пример для подражания. А не бездушных, эгоистичных, зацикленных на собственной внешности существ, которые косноязычно, с покрытыми вульгарными татуировками телами, похваляются своим низким IQ и отсутствием общего образования.

Итак, я повторяю вопрос и надеюсь получить на него ответ в газете:

Когда было решено, что следует заострять внимание на откровенной глупости и превращать ее не просто в норму, а в нечто возделенное и достойное зависти?

*С уважением,
Катон Старший*

1

— Тридцать секунд, время пошло.

Мирре уже почти не замечал металлического щелчка при запуске секундомера. Сколько времени это будет продолжаться? Что сказал мужчина?

Он собирался задать шестьдесят вопросов.

Который же этот по порядку? Мирре не имел понятия. Казалось, будто они занимаются этим целую вечность. Он по-прежнему пытался разобраться в произошедшем.

— Хочешь послушать вопрос еще раз?

Мужчина сидел близко по другую сторону стола. Голос спокойный, низкий.

Впервые Мирре услышал этот голос недели две назад, когда они разговаривали по телефону. Мужчина позвонил ему и представился как Свен Катон, журналист-фрилансер. Он хотел взять интервью. Или, скорее, составить портрет. Мирре, правда, не победил в том шоу, но оказался одним из участников, о которых больше всего писала пресса и к которому проявляли наибольший интерес в социальных сетях. На основании увиденного люди составили себе о нем представление. Свену хотелось немного углубить образ. Показать другие стороны скрывающегося за ним человека. Не могли бы они встретиться?

Они встретились. В гостинице «Курортный отель». Свен угостил его ланчем. Они решили взять по бокалу пива, несмотря на то, что был вторник и всего лишь половина двенадцатого. Но ведь лето. Свободное время. Свен поставил на стол между ними маленький магнитофон и начал задавать вопросы. Мирре отвечал.

Мужчина напротив явно истолковал его молчание как «да».

— К какой части речи относятся слова, описывающие отношения между людьми, вещами и местами, например, «на», «к», «перед» и «в»?

— Не знаю, — ответил Мирре и сам услышал, насколько устало звучит его голос.

— У тебя осталось десять секунд на обдумывание.

— Я не знаю! Я не могу отвечать на ваши дурацкие вопросы!

На несколько секунд стало тихо, потом раздался щелчок остановившегося секундомера и еще один, когда его снова перевели на ноль.

— Следующий вопрос: как назывался флагманский корабль Христофора Колумба, когда он в тысяча четыреста девяносто втором году открыл Америку? Тридцать секунд, время пошло.

Щелчок.

Секундомер опять начал отсчет.

С интервью все прошло хорошо. Конечно, Свен был ровесником отца Мирре или даже старше и не во всем хорошо разбирался, но он проявлял откровенный интерес, так, по крайней мере, казалось. Разговаривать с ним было приятно. Когда Мирре вернулся из туалета, Свен уже заказал им еще по бокалу пива.

Вероятно, дело было в нем. Во втором бокале пива. Свен, должно быть, что-то подсыпал в него, поскольку Мирре вскоре начало слегка мутить. Он утратил концентрацию. Почувствовал слабость.

Свен предложил отвезти его домой. Они покинули ресторан, пошли к парковке.

И вот он очнулся здесь.

Голова на жесткой столешнице. Он поднялся в сидячее положение, и прошло несколько секунд, прежде чем он осознал, что ничего не видит. Попытавшись убрать то, что закрывало глаза, он обнаружил, что может сдвинуть руки всего лишь на сантиметр. При попытке раздался звенящий металлический звук.

Цепи. Наручники.

Он закричал и задергался в наручниках, но умолк, услышав знакомый голос.

— Тебя никто не услышит, и высвободиться ты не сможешь.

Новые крики. Что, блин, происходит? Чем он, черт возьми, занимается? Угрозы вперемешку с мольбами. В основном угрозы.

— Успокойся. Ты можешь уйти отсюда примерно через полчаса. Конечно, при условии, что получишь зачет.

— Какой еще зачет? — спросил Мирре. — За что?

Шестьдесят вопросов.

Тридцать секунд на обдумывание каждого.

Треть ответов должна быть правильной.

— А что произойдет в противном случае? — поинтересовался Мирре.

— Тогда начнем, — ответил мужчина, которого, наверное, вовсе не звали Свен Катон.

— Первый вопрос: как расшифровывается аббревиатура НАТО? Тридцать секунд, время пошло.

Щелчок, включивший секундомер, затем более слабое, но более быстрое тиканье при отсчитывании секунд.

Мирре вообще не обращал внимания на первые десять—пятнадцать вопросов. Он продолжал вырываться из наручников, спрашивать, чем мужчина, черт побери, занимается, что ему надо, обещал по-крупному засадить

его за это или дать ему то, что он хочет, если только он его отпустит.

Угрозы и мольбы.

Мужчина не обращал на это никакого внимания. Он тем же спокойным голосом задавал вопросы, включал секундомер, спрашивал, не надо ли повторить вопрос, и ждал ответа. Через некоторое время он деловито заметил, что шанс получить зачет существенно уменьшается и что будет умнее, если Мирре постарается чуть больше сосредоточиться и чуть меньше ему угрожать.

Мирре начал слушать.

«Что такое простое число?»

«Какие животные входят в Большую пятерку?»

«В каком десятилетии образовался остров Сюртсей возле южного берега Исландии?»

«Как называется единица СИ, используемая для измерения силы света?»

Пожалуй, на середине Мирре осознал, что когда он шевелится, что-то шуршит. Пластикат. Он сидит на пластикате. На мягкой, обернутой пластиком подушке. В представлении Мирре существовало только две причины, по которым ее могли обернуть.

Первая — подушка новая.

Вторая — ее хотели защитить.

От пятен. От брызг. От крови.

Ощувтив изрядный прилив адреналина, он решил справиться. Показать этому гаду. Постараться слушать, постараться думать. Он, черт возьми, должен получить зачет.

«В каком американском штате находится город Чикаго?»

«Каков символ химического элемента фосфора?»

«Кто стал королем Швеции после Оскара I?»

Вопрос за вопросом, тем же спокойным, низким голосом. Мирре не знал ни одного...

— Последний вопрос: к какому семейству относится росомаха?

Щелчок.

К какому семейству? Что за семейство? Мирре знал, как называется росомаха по-английски — Wolverine. Он видел все до единого фильмы компании «Марвел». Но семейство?

— Хочешь, чтобы я повторил вопрос?

— Нет.

Тишина. Слабое, быстрое тиканье. Щелчок.

— Время вышло. Сейчас посмотрим...

Мирре вздохнул, прислонился лбом к столу. Черт возьми, о двадцати правильных ответах и речи быть не может. На столько вопросов он даже не ответил.

Он услышал, как мужчина по другую сторону стола встал. Мирре медленно поднял голову, следя за ним слухом. Похоже, он подошел близко. Внезапно Мирре почувствовал у лба что-то холодное, металлическое.

— Незачет, — произнес мужчина, которого действительно не звали Свен Катон. Мирре даже не успел отдернуть голову прежде, чем сжатый воздух пневматического пистолета вытолкнул маленький стержень, который незамедлительно пронзил лобную кость и впился в мозг.

2

В течение всей жизни ее окружала ложь. Невидимая. Более тридцати лет вокруг присутствовали тени, а она их не замечала. Но с этим покончено. Теперь она видит их повсюду. Куда ни повернись, она натывается на них.

На ложь и обман.

Никто не говорил правды, никто. Ни Анна, ни Вальдемар, ни Себастиан.

Мать, отец и отец.

Правда, теперь она отказывалась думать о ком-то из них как о своей семье. Это слишком нежно. Этого они от нее не дождутся. Теперь они просто люди с именами и только.

Анна, Вальдемар, Себастиан.

Ее жизнь начала разрушаться шаг за шагом. Полицейское расследование экономических преступлений привело к тому, что Вальдемара арестовали. Поначалу она полагала, что он невиновен, просто стал жертвой злосчастных обстоятельств. Ведь речь все-таки шла о ее отце. Но он сознался. Ее мир пошатнулся.

Тогда она не знала, что видела только вершину айсберга.

Настоящая пропасть разверзлась, когда она узнала, что Вальдемар ей не родной отец. Это открытие чуть не сломило ее. Она лихорадочно пыталась сориентироваться в новом для себя существовании и узнать правду. Допрашивала с пристрастием Анну, но даже не подозревала, какую нечестную игру та способна вести.

Анна выдумала отца. Умершего мужчину. Новая ложь.

Ванья могла понять, почему она не рассказывала ей правды о Вальдемаре. Понять и, возможно, даже оценить. Он всю жизнь был ей самым настоящим отцом. Лучшим отцом, какого она могла себе представить. Зачем отнимать его у нее? Зачем понапрасну разрушать их отношения?

Но теперь? Когда она знает, кто он или, вернее, кем он не является. Зачем продолжать лгать? Зачем отказывать ей в правде? Это невозможно объяснить, оправдать или понять, и результатом стал ледяной холод между ними. Эмоциональная вечная мерзлота, и Ванья не испытывала потребности ее растопить.

Ведь лгала не она, она не виновата.

А потом, когда все вокруг нее уже закачалось, из тени вдруг выступил Себастиан Бергман.

Он ее отец. Поэтому он снова попросился в Госкомиссию по расследованию убийств.

Его побудительный мотив предельно ясен. Все его поступки преследовали одну-единственную цель: приблизиться к ней, стать ее другом.

Ночью, после свадьбы Билли, он разбудил ее. Она по-прежнему наполовину спала, когда он сказал, что должен ей кое-что рассказать и что это не терпит отлагательств. Она толком не знала, чего ожидать, садясь рядом с ним на незастеленную кровать, но точно не того, что услышала.

— Ванья, я твой отец, — произнес он и взял ее за руки.

Он, по крайней мере, позаботился о том, чтобы сообщить об этом с заботой. Из всех сил старался проявить мягкость. Объяснил, как узнал об этом, и как, узнав, не хотел разрушать ее отношения с Вальдемаром, как Анна запретила ему, как он, невзирая ни на что, всегда думал о ее благе.

Казалось, он говорил искренне. Она это оценила. Но по сути это ничего не меняло. Обман есть обман. Они играли ее жизнью.

Как в фильме с Джимом Керри — «Шоу Трумана».

Все было театром, и все были актерами, кроме нее.

Она, всегда считавшая своим долгом действовать рационально и логично, утратила почву под ногами. Как будто она находилась в доме, где каждая дверь ведет в новый тупик. Как она ни искала, найти выход не удавалось.

Она взяла на две недели больничный. Сидела в квартире и пыталась обрести контроль над эмоциями. Не помогло, а привело лишь к тому, что она осознала, насколько на самом деле одинока.

На протяжении всей взрослой жизни она направляла всю энергию на две вещи: на работу и семью.

Чтобы быть хорошим полицейским и хорошей дочерью. Теперь, без семьи, у нее оставалась только работа.

Но там находился человек, внезапно оказавшийся ее отцом. Два ее мира столкнулись. Она нигде не могла чувствовать себя свободной от терзавших ее мыслей, а ведь ей требовалось именно это.

Создать себе жизнь без всех этих теней. Собственную жизнь. Свою жизнь.

Но она совершенно не имела представления, как.

3

Обычно, когда почти двести учеников собирались вокруг стоящих вдоль стен шкафчиков, громкость звука была совершенно другой. Но в прошлый четверг начались летние каникулы, и сейчас Лисе-Лотте Гонсалес находилась в тихой школе одна. За последние недели перед окончанием учебного года накопилась кое-какая административная работа, и она решила уделить делам необходимое время и все закончить, чтобы потом отдыхать с чистой совестью. Накануне она провела в кабинете всего несколько часов, после чего ее выманила на улицу прекрасная погода, но сегодня она решила посидеть по крайней мере до четырех.

Собственно говоря, она ничего не имела против того, чтобы отложить отпуск на неделю или две. Было приятно сосредоточенно работать без звонящих телефонов, заглядывающих коллег и быстро наполняющейся папки «Входящие» в электронной почте.

Около двух она решила сделать заслуженный перерыв. Она вышла в пустую учительскую, включила электрический чайник и приготовила себе чашку «Неска-

фе». Порывшись в ящиках, она нашла банку со старыми миндальными сухарями. Подумала, что сойдет для перекуса.

После маленького кофейного перерыва она решила немного пройтись. Лисе-Лотте любила бродить по свежотремонтированным помещениям своей школы.

Именно так она о ней и думала. «Моя школа».

Хотя ей школа, разумеется, не принадлежала. Школа Хильдинг была учебным заведением для 6-9-х классов, недавно открытым концерном независимых школ «Доннергрупп».

Дела у них шли хорошо.

Большой приток учеников, хорошая репутация, все учителя компетентные, и показанные на государственных экзаменах результаты значительно превышали средний уровень. Поэтому Лисе-Лотте думала, что руководство концерна ни секунды не жалело о том, что взяло ее на должность директора.

Она завернула за угол и вышла в коридор, где в основном велись занятия по естественнонаучным предметам. Внезапно Лисе-Лотте остановилась. Одна из открытых белым лаком дверей, на которых, как ни странно, за весь семестр не появилось никаких каракулей, была приоткрыта. Двери следовало держать закрытыми, поскольку в классах находились химикалии, кислоты, бутылки с газом и прочие дорогие и опасные вещи.

Уже собираясь закрыть и запереть дверь, она бросила взгляд внутрь.

Что это такое?

Лисе-Лотте открыла дверь полностью. Да, она не ошиблась. Слева от интерактивной доски сидела обнаженная до пояса фигура, спиной к классу.

— Извините!

Никакой реакции. Лисе-Лотте шагнула в комнату.

— Послушайте, что с вами?

По-прежнему никакого ответа. Никаких признаков того, что человек ее вообще услышал. Может, он под воздействием чего-нибудь? Судя по тому, как он сидит на стуле, он без сознания или, по крайней мере, крепко спит.

Лисе-Лотте пошла вперед между столами, на которых в ожидании осеннего семестра, начинавшегося через восемь недель, аккуратно стояли перевернутые стулья.

— Как вы себя чувствуете? Вы меня слышите?

Теперь она видела, что это молодой человек. Тренированный, с татуировками. Но что у него на голове? Колпак звездного мальчика или что это? И что у него прилеплено к спине? Если он действительно под воздействием препаратов или без сознания, Лисе-Лотте надеялась, что это не результат того, что он воспользовался чем-нибудь в кабинете химии. Будет нехорошо, если окажется, что один из местных юношей забрался в ее школу и чего-то нанюхался или отравился.

Лисе-Лотте опять остановилась, наморщила от удивления лоб. Теперь она видела, что у него на спине.

Два листа бумаги формата А4. На них что-то написано. Кровавые пятна там, где в голую кожу вонзились большие металлические скобки. Предчувствуя самое худшее, Лисе-Лотте подошла вплотную и наклонилась, чтобы посмотреть на его лицо.

Если не вытаращенные глаза, то маленькая круглая дырочка у него на лбу не оставляла никаких сомнений, что парень мертв.

4

Ванья сидела на диване в кабинете Торкеля и ждала. Она пришла слишком рано или же он опаздывал. Вероятно, первое. Торкель был известен своей пунктуально-

стью. Она поймала себя на том, что нервничает, сама не понимая, почему.

Торкель уже знал правду о Себастиане. Она рассказала ему, когда он позвонил, чтобы узнать, как она себя чувствует. Он не знал, почему она взяла больничный. Думал, наверное, что у нее грипп или что-нибудь другое, что пройдет. Он, разумеется, удивился, но проявил понимание, сказал, что она может оставаться на больничном столько времени, сколько понадобится, и что она знает, где его можно найти, если ей потребуется с кем-нибудь поговорить.

И вот ей потребовалось. Никого другого у нее не было, но было осознание, что своими силами она не справится.

Через стекло она увидела идущего Торкеля. Встала, чтобы собраться, проклиная себя за это инстинктивное движение. Ведь она собирается говорить с Торкелем. С другом и ментором, тут события последнего времени ничего не изменили.

Все будет хорошо, он на ее стороне.

Почему же она ведет себя как взволнованная первоклассница, которую вызвали к директору?

Он заметил ее, еще не дойдя нескольких метров до кабинета, приветливо улыбнулся ей и поднял руку для приветствия, но Ванье показалось, что она увидела у него в глазах некоторое беспокойство. Ее осенило, что он, возможно, так же нервничает перед встречей, как и она.

Он не знает, зачем она пришла. Может, думает, что теряет ее? Так ли это? Зачем она, собственно, пришла?

Ванья сама не знала. Она утратила всякий контроль. На нее это не похоже. Поэтому-то она и нервничает.

— Привет, Ванья. Рад тебя снова видеть, — сказал он, входя и обнимая ее. — Как ты?

— Неважно. — Ванья вдруг почувствовала, как приятно услышать этот вопрос от человека, которого дей-

ствительно волнуется ответ. Волнуется она. — У меня все это не укладывается в голове.

— Понимаю, — тихо ответил Торкель, держа ее за плечи на расстоянии вытянутой руки. — На тебя много свалилось.

— Да, это точно...

Торкель слабо улыбнулся ей, чуть крепче сжал ее плечи, а потом пошел и сел в одно из кресел для посетителей. Он кивком показал Ванье садиться на диван напротив него.

— Я вчера мельком виделся с Себастианом, — проговорил он, когда она уселась. — Он тоже почти не бывает здесь.

— Ты сказал ему, что знаешь? — поинтересовалась Ванья.

Торкель отрицательно покачал головой. Что она о нем думает? Она же просила его не говорить. Ведь ей известно, что он никогда не обманет ее доверия.

— Как мы поступим? — продолжил он и наклонился вперед, опершись локтями о колени и соединив кончики пальцев. — Как тебе хочется? Решать тебе.

Увидев его открытый, приветливый взгляд, она пожалела о том, что не может ответить иначе.

— Я не знаю.

— Он даже не в штате, работает консультантом по договору. Если хочешь, я могу сегодня же разорвать договор.

Это стало для нее неожиданностью. Ванья толком не знала, что говорить. Она даже не думала о таком сценарии. Ей казалось, что Себастиан является такой же частью команды, как она. Сейчас ей вдруг представилась возможность изменить это. Вышвырнуть его.

Это непросто.

Одной ее части хотелось никогда больше его не видеть. Другая часть была менее уверена. Более растеряна.